

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

*Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
Михаила Петровича Грязнова*

Книга I

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2002

Р.А. ЛИТВИНЕНКО

КАТАКОМБНОЕ НАСЛЕДИЕ В БАБИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Вопрос об участии катакомбной культуры в сложении бабинской (многоваликовой керамики) корнями своими уходит ко времени выделения последней в качестве самостоятельного археологического явления. Именно сходство керамических комплексов обеих групп памятников явилось камнем преткновения в споре о разделении их на отдельные археологические культуры. И тем не менее, какую бы позицию дискутирующие стороны ни занимали, показательно признание ими несомненной связи памятников многоваликовой керамики со среднедонскими катакомбными [Попова, 1960; Латынин, 1964].

С накоплением источниковой базы и углублением знаний о катакомбной и бабинской культурах проблема соотношения между ними соответственным образом трансформировалась и рождала новые подходы к решению тех или иных ее аспектов. И все же, даже с учетом того, что бабинская культура в пределах своего огромного ареала сегодня не представляется однородной, и ее территориальные группы (варианты или даже культуры) исследователи связывают с различными культурогенетическими механизмами и составляющими, большинство авторов не отрицают связи этих процессов с предшествующим

пластом древностей катакомбной культурно-исторической общности. Вместе с тем, данное положение до сих пор так и не получило всестороннего осмысления и развернутой аргументации. Поэтому реальный «вклад» катакомбного мира (какого именно, в какой форме и степени?) в сложение памятников бабинского круга (каких именно, ведь они не являются гомогенными?) остается весьма неопределенным, улавливаемым на уровне ограниченных источниками сопоставлений или даже интуиции. Постараемся осветить обозначенную проблему.

Для начала обратимся к одному из наиболее аргументированных подходов, сформулированному С.Н. Братченко, в свою очередь развившему гипотезу Б.А. Латынина. В соответствии с этим подходом ведущим генетическим фоном в сложении бабинской культуры явились лесостепные катакомбные памятники, в первую очередь среднедонская (харьковско-воронежская) катакомбная культура, в меньшей мере среднеднепровская и степной катакомбный субстрат [Братченко, 1976, с. 117–118; 1977; 1985, с. 457]. В той или иной степени его мнение разделяют многие археологи [Матвеев, 1980, с. 75; 1990, с. 49; 1990а; Пряхин и др., 1991, с. 14; Савва, 1992, с. 10, 157; Санжаров, 1991, с. 16; Шарафутдинова, 1987, с. 43–44; 1995, с. 124–125; и др.], в том числе те, которые видят в бабинской культуре восстановление ямных традиций [Ковалева, 1981, с. 75–76; 1987, с. 22–23, 30; Писларий, 1983, с. 15, 19; 1991, с. 60–62]¹. Примечательно, что главным и наиболее зримым связующим элементом между среднедонской катакомбной и бабинской культурами выступает керамическая посуда. Предметное сопоставление и анализ лесостепной катакомбной керамики с бабинской произведены С.Н. Братченко [1977, с. 26–31, 32–34] и Э.С. Шарафутдиновой [1995], что, впрочем, не исчерпывает данного вопроса. Новые материалы, полученные в результате раскопок поселений в бассейне Северского Донца, настолько очевидно демонстрируют преемственность керамических традиций среднедонской катакомбной культуры (ее многоваликового этапа) и бабинской культуры, что С.Н. Санжаров [2000] даже предложил раннебабинские памятники считать финальнокатакомбными, возвратившись тем самым к истокам дискуссии конца 50 – начала 60-х гг. XX в. [Отрощенко, 2001, с. 82]. Говоря об этой преемственности, подчеркнем, что она проявляется в бабинских памятниках не только в лесостепи Левобережной Украины (хотя там наиболее ярко), но также далеко за ее пределами. Данное обстоятельство, наряду с другими, демонстрирует, с одной стороны, культурную общность этих памятников от катакомбных, а с другой – общность исходного импульса, приведшего к сложению и распространению памятников бабинского круга на огромной территории между Волгой и Дунаем.

И сколь бы существенным в том или ином регионе Причерноморья ни выступал местный субстрат (среднедонской, ингульский катакомбный, среднеднепровский и др.), определяющий своеобразие местного варианта (культуры), трудно не заметить того общего знаменателя, который объединяет сотни памятников в рамках *единого по происхождению (истокам)* образования.

Преемственность керамических традиций среднедонской катакомбной и бабинской культур казалась столь очевидной, что другим сопоставимым параметрам уделялось значительно меньше внимания. Однако было замечено, что среднедонская катакомбная культура вообще, а на своем валиковом этапе (развитом по периодизационной шкале для Среднего Подонья и позднем – для Северского Донца) в особенности демонстрирует ряд черт, получивших дальнейшее развитие и ставших определяющими в бабинской культуре. Среди них назывался значительный удельный вес ямных погребальных конструкций – до 42 % [Матвеев, 1980, с. 69; 1990, с. 48; Пряхин и др., 1991, с. 7; Синюк, 1996, с. 93, 119, 129, 134; Шарафутдинова, 1987, с. 43]. Кроме того, обратим внимание на такие черты, как выраженная тенденция *левобочных* ингумаций – до 40 % [Матвеев, 1980, с. 70; Пряхин и др., 1991, с. 7], «адоративная» позиция рук², отсутствие охры в могилах, которые стали ведущими не только для бабинской культуры, но и для синхронной с ней среднедонской катакомбной позднего (финального) этапа [Матвеев, 1980, с. 70; 1990а; Пряхин и др., 1991, с. 7, 12; Синюк, 1996, с. 119, 133–135, табл. 17]. Впрочем, указанные признаки в той или иной мере проявляются и в некоторых других позднекатакомбных культурах. К подобным же связующим параллелям следует отнести практику помещения в катакомбные и бабинские могилы «шкур» животных, фиксируемых по черепам и костям конечностей. Не случайно и совпадение географии данного элемента погребальной обрядности: в пределах катакомбной области он наиболее характерен для культур Доно-Донецкого региона, в частности донецкой (особенно позднего этапа) и среднедонской, в меньшей степени маньчской [Братченко, 1976, с. 34; Братченко, Шпапошникова, 1985, с. 406, 409; Смирнов, 1996, с. 30, 50, 80, 100]; в памятниках круга Бабино «шкур» также известны главным образом в бассейне Северского Донца и Днепро-Донецком лесостепном междуречье (рис. 1, 1) [Литвиненко, 1997]. К списку показателей преемственности необходимо добавить сопровождение некоторых умерших «производственными» или «ремесленными» наборами [Пустовалов, 1995, с. 213–214; Литвиненко, 1998а, с. 97–102]. Несмотря на то, что подобные наборы (рис. 1, 4) встречены во многих катакомбных культурах, в бабинской они вновь приурочены исключительно к ее восточной группе –

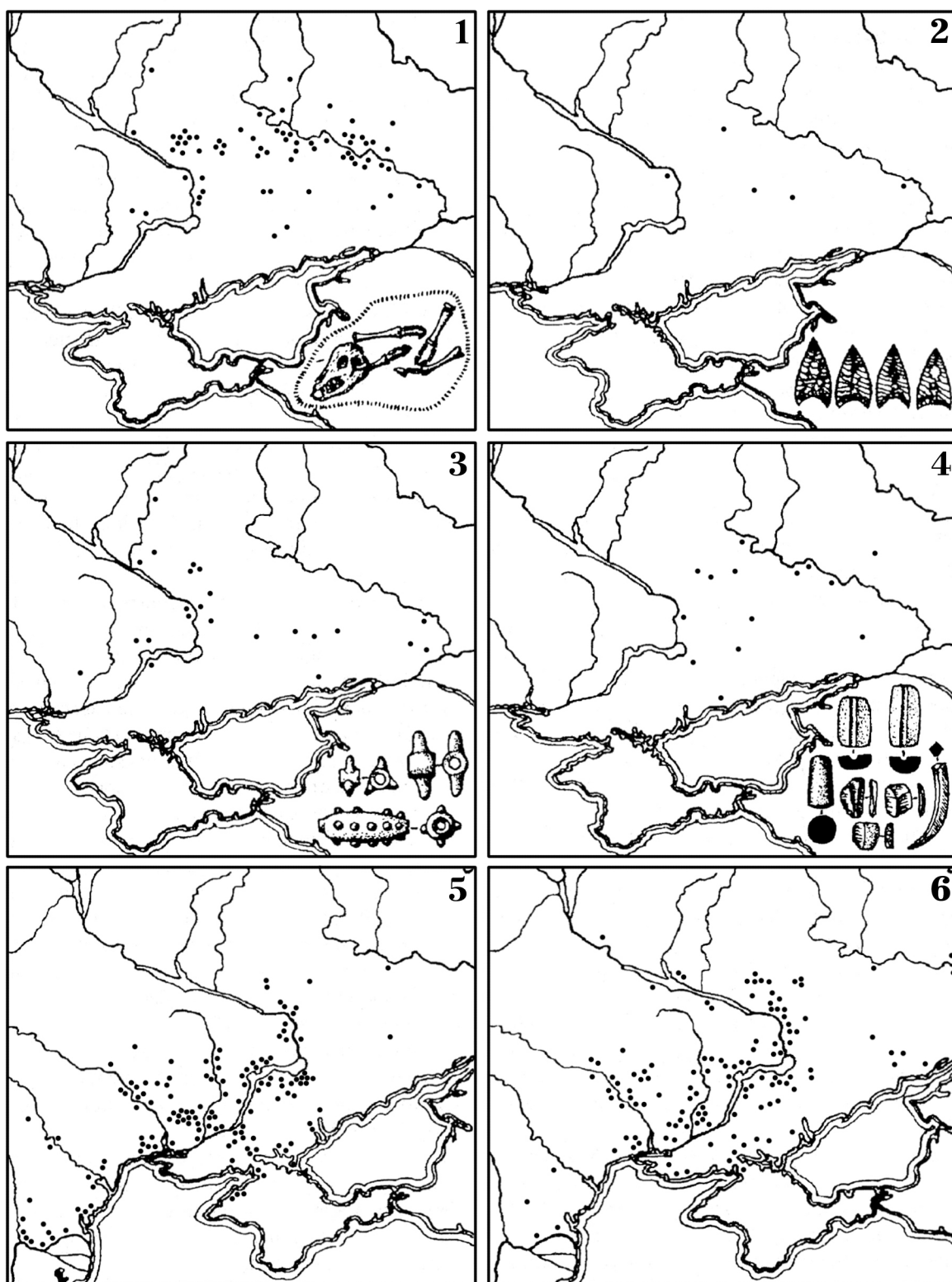

Рис. 1. Карты распределения обрядово-инвентарных признаков бабинской культуры Надазовья (1–4) и Надчерноморья (5–6): 1 – «шкуры»; 2 – колчаные наборы; 3 – бусы с выступами; 4 – «производственные» наборы; 5 – подбои; 6 – южная ориентация

донецко-днепро-азовской (*надазовской*) [Литвиненко, 1998а, с. 103–104].

Из других составляющих материального комплекса бабинской культуры с катакомбными прототипами связывают некоторые типы медно-бронзовых орудий, кремневых наконечников стрел и украшений³.

Ножи. В ограниченном и «нестандартном» металлокомплексе бабинской культуры [Черных, 1995] они являются наиболее «массовой» категорией изделий, хотя во всем ареале их известно лишь 16–18 экземпляров. С позднекатакомбными образцами можно сравнительно надежно соотнести лишь единичные экземпляры⁴. Три из них (рис. 2, 7–9) представляют вариации пламевидных ножей (тип 2, по С.Н. Братченко; группа 2, по С.Н. Корневскому). Один нож (рис. 2, 4) находит близкую аналогию в инвентаре позднекатакомбного комплекса на Нижнем Маныче [Парусимов, 1997, с. 31, рис. 31, 4]. Известный нож из Кривого Рога (ЮГОК, Острая Могила, погребение 1 – рис. 2, 5) сочетает в себе элементы двух рассмотренных выше типов и, на наш взгляд, должен сопоставляться с катакомбными, а не с абашевскими или раннесрубными изделиями, как это иногда делают. Остальные ножи из бабинских комплексов демонстрируют значительную вариабельность форм и не могут быть с уверенностью связаны с теми или иными традициями, за исключением экземпляров с отдельными «абашоидными» проявлениями. Впрочем, отдельные из них, по сохранившимся следам дерева, фиксируют характерное для ямно-катакомбных ножей аркообразное оформление перехода от рукояти к клинку (рис. 2, 3–6).

Тесло. Единственное тесло-топор (рис. 2, 2) находит аналогии в материалах поздней северокавказской культуры [Черных, 1995, с. 16].

Как справедливо заметил С.Н. Братченко [1995а, с. 81–87], подавляющая часть захоронений с ножами и теслом, а от себя добавим – и другим металлическим инвентарем, сосредоточена в восточном ареале культуры Бабино – между Северским Донцом, Днепром и Азовским морем (рис. 2, 1), что поразительным и неслучайным образом совпадает с областью распространения большей части находок металлоемких изделий предшествующих культур энеолита–средней бронзы, в том числе катакомбных.

Наконечники стрел. Типичными для бабинской культуры являются кремневые наконечники катакомбного типа – с выемчатым основанием [Братченко, 1985, с. 454; Литвиненко, 1998б]⁵. Они распространены, хотя и неравномерно, в пределах всего бабинского ареала. Отметим лишь, что в составе колчаных наборов, известных также в катакомбную эпоху, выемчатые наконечники встречены исключительно в памятниках восточной, надазовской, группы (рис. 1, 2).

Бусы. Из бытовавших в бабинской культуре украшений с предшествующей катакомбной средой можно связать только некоторые типы пастовых (фаянсовых) бус и ожерелья из клыков хищника. Среди бус особого внимания заслуживают кавказские разновидности с выступами [Братченко, 1976, с. 147–148]. Во-первых, это длинные цилиндрические пронизи с четырьмя рядами бородавчатых налепов. Аналогичные типы, кроме кавказских находок, происходят из позднедонецких комплексов (бахмутских или «с елочной орнаментацией керамики») Правобережья Северского Донца [Братченко, 1976, с. 147, рис. 72, II, 3; Смирнов, 1996, с. 91, 93, 97, рис. 41, 9, 28; 47, 31]. Во-вторых, короткие цилиндрические бусины с тремя выступами – трехрожковые, или трехбородавчатые, в зависимости от размеров и формы выступов. В катакомбных памятниках Украины такие бусы не встречаются, что может свидетельствовать и в пользу их более поздней хронологии. Характерны они для финальнокатакомбного или даже посткатакомбного времени Калмыкии, Ставрополя, Северного Кавказа и Закавказья. В-третьих, короткие цилиндрические бусины с двумя длинными выступами-рожками. В качестве возможных прототипов двухрожковых бус можно было бы считать указанные С.Н. Братченко [Братченко, 1976, с. 152; Братченко, Шпапошникова, 1985, с. 412, 418, рис. 110, 16] аналогии из позднекатакомбных погребений Нижнего Поднепровья. Сейчас известна уже серия подобных находок из указанного региона (пока не опубликованных), хотя все они несколько отличаются от бабинских. Вместе с тем, прямые аналогии двухрожковым бусам встречены в памятниках юго-восточной периферии катакомбного мира в комплексах с позднейшими разновидностями реповидных сосудов – в Прикубанье (Плассуновский I, курган 1, погребение 22) и Ставрополье (Веселая Роща, курган 26, погребение 10), а также в склеповом захоронении из Ингушетии (Эгикал). Все перечисленные типы диагностичных бус сосредоточены опять-таки в восточных памятниках бабинского круга, выходя единичными пунктами на Правобережье Днепра (рис. 1, 3).

Остальные элементы обрядности и категории материальной культуры или совсем не находят аналогий, или имеют более общее сходство с катакомбными, а потому специально не анализируются.

Таким образом, рассмотренный выше блок параллелей, наряду с некоторыми новациями, характеризует бабинскую культуру именно в восточном ее варианте, надазовском. А какова в таком случае ситуация в других областях бабинского ареала?

Надчерноморская степная зона демонстрирует совершенно иной вариант или даже культуру, входящую в круг Бабино на основании лишь отдельных связующих признаков погребальной обрядности и материальной

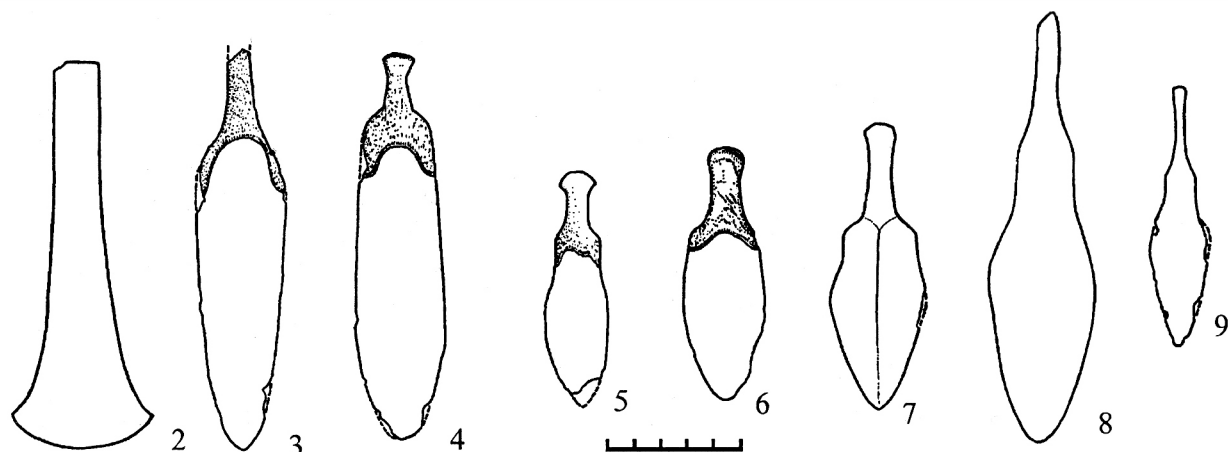
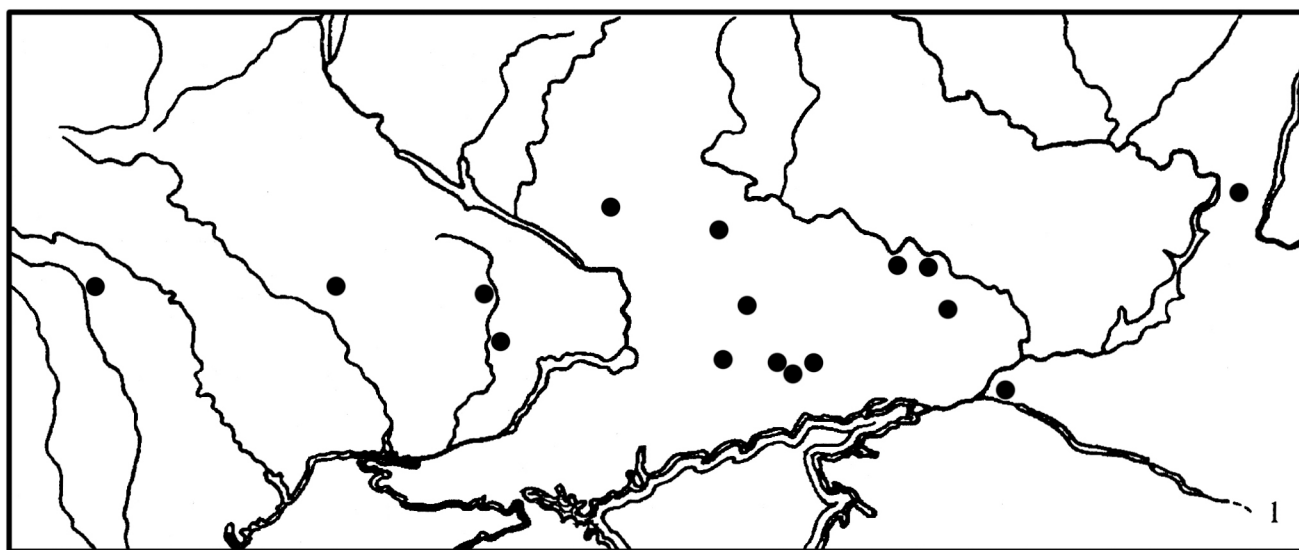

Рис. 2. Ножи и тесло из памятников бабинской культуры:

1 – карта распространения ножей и тесел; 2 – Морокино, к. 8, п. 1; 3 – Ново-Андреевка, к. 3, п. 5; 4 – Соколовский, к. 1, п. 2; 5 – Кривой Рог (ЮГОК), к. 1, п. 1; 6 – Николаевка 89, к. 1, п. 8; 7 – Рыбинское, к. 9, п. 7; 8 – Раздольное, поселение; 9 – Николаевка 71, к. 5, п. 2

культуры, к которым относятся: преобладание левобочных ингумаций, частая безынвентарность захоронений, редкость в них глиняной посуды, общие типы пряжек и др. В целом же памятники Нижнего Поднепровья, Поингуля, Побужья и Крыма (Надчерноморья) характеризуются особым устойчивым набором признаков, определяющих их своеобразие на фоне посткатакомбных образований. Разумеется, от катакомбного мира их отделяет комплекс новаций и инноваций. Однако для понимания «механизмов» культурогенеза, кроме изменений, необходимо знать, что и в какой степени сохранилось от предшествующей, катакомбной, эпохи.

Сразу же подчеркнем, что черты восточных катакомбных культур в бабинских памятниках степного Над-

черноморья почти не прослеживаются. И это логично: ведь на данной территории предшествующий горизонт представлен древностями своеобразной ингульской или днепро-азовской катакомбной культуры. Что сохранилось от нее в местном варианте культуры Бабино? Говоря о такого рода наследии, авторы обычно указывают на несколько его проявлений, к которым добавим и выявленные нашими наблюдениями [Литвиненко, 2000, с. 70]. Во-первых, это неразвитость курганного строительства (т. е. возведения собственных насыпей и досыпок), граничащая с полным его отсутствием. Во-вторых, сохранение традиции радиальной планировки впускных захоронений в кургане [Саенко 1990, с. 62; Отрощенко, 2001, с. 86, 95–96]. В-третьих, трансформация

катакомбных погребальных сооружений в подбойные, удельный вес которых, по разным данным и районам, колеблется от 16 до 64 % [Клюшинцев, 1980, с. 63; 1988, с. 227; Отрощенко, 1981, с. 65–67; 2001, с. 86, 93, 95–96; Елисеев, 1990, с. 25; Саенко, 1990, с. 62]. В-четвертых, это южная ориентировка умерших – до 44 % [Литвиненко, 1999, с. 158–159]. Показательно, что картографирование вышеперечисленных признаков (рис. 1, 5, 6) демонстрирует почти полное взаимоналожение их ареалов, в свою очередь совпадающих с областью ингульской (днепро-азовской) катакомбной культуры [Литвиненко, 1999, с. 157; Отрощенко, 2001, с. 93], и таким образом подтверждает сделанные выводы.

Примечательно, что преемственность между катакомбными и бабинскими памятниками в Днепро-Бугском регионе проявляется в совершенно ином наборе признаков, нежели мы наблюдали в восточной (Днепро-Донской) области. Создается впечатление, что здесь даже имел место другой «механизм» культуругенеза [Литвиненко, 2000, с. 70]. В пользу данного предположения свидетельствует и тот факт, что возникшая в результате этого процесса посткатакомбная (постингульская) культура Надчерноморья выглядит значительно менее ярко по сравнению со своим аналогом из Надазовья. Во-первых, эта культура не отвечает такому ведущему признаку новой эпохи, как возрождение курганного строительства, маркирующему все культуры переходного периода от средней к поздней бронзе, от синташинской и доно-волжской абашевской культуры до бабинской в ее восточном варианте [Отрощенко, 2001, с. 77, 95]. Во-вторых, в ней, как это ни удивительно, вообще трудно найти элитные захоронения, во всяком случае признаки социального ранжирования выступают невыразительно⁶.

Возможно, для объяснения такой ситуации следует учесть некоторые дополнительные факты. Дело в том, что охарактеризованные выше бабинские памятники степного Надчерноморья и Крыма непосредственно не сменяют ингульские катакомбные. Между ними лежит зафиксированный стратиграфически пласт переходных катакомбно-бабинских комплексов (в подбоях-катакомбах, со скорченным, часто левобочным и спиной ко входу, положением умершего [Пустовалов, 1979; Нечитайло, 1984, с. 112–113; Тощев, 1990, с. 126; 1996, с. 80]), заполняющих «хиатус между катакомбами ингульской культуры и древнейшими подбоями КМК» [Отрощенко, 2001, с. 93]. Именно эти переходные памятники демонстрируют ломку ингульских культурных традиций, приобретая окраску новой эпохи. Примечательно, что среди них имеется группа погребений, характеризующихся основным положением в кургане и ориентацией в западный сектор [Отрощенко, 2001, с. 94], т. е. демонстрирующих отдельные черты классических раннебабинских памятников Над-

азовья. Учитывая сосредоточенность этих памятников в Нижнеднепровском Левобережье, являвшемся контактной зоной с восточной группой бабинской культуры, логично видеть в них результат воздействия последней на позднекатакомбный ингульский субстрат. Синхронность же раннебабинских памятников Надазовья с переходными комплексами Надчерноморья определяется их сходным стратиграфическим положением в курганах обоих регионов – выше ингульских катакомбных и ниже поздних бабинских, в том числе подбойных.

Наряду с описанными выше и массово представленными памятниками, в Нижнем Поднепровье и степном Крыму выделяется своеобразная и немногочисленная группа «захоронений с вытянутыми костяками», обособленных в Крыму в *евпаторийскую группу* [Тощев, 1990, с. 126; 1993; 1996, с. 80; 1998; Отрощенко, 1995, с. 194–195; 2001, с. 107–108]. Относительно ранняя хронологическая позиция этих памятников среди посткатакомбных как будто подтверждается стратиграфическими наблюдениями. Намечено даже их внутреннее деление: более ранние – с ориентацией умерших в западном секторе, поздние – в восточном [Отрощенко, 2001, с. 107–108]. В такой последовательности есть явные параллели с внутренней хронологией классических бабинских памятников восточных областей. Единственным пока противоречием для подобного хронологического сопоставления является несоответствие типов пряжек в обеих группах ранних памятников.

Г.Н. Тощев [1993; и др.] связывает происхождение евпаторийской группы с ингульской катакомбной культурой, обращая при этом внимание на сходное положение умерших и встреченные в ряде случаев подбойные могильные сооружения. В.В. Отрощенко [1995, с. 194–195] предложил искать ее истоки не в местной среде, а далеко на северо-востоке – в бассейне лесостепного Дона, среди памятников доно-волжской абашевской культуры. Таким образом, сложение памятников евпаторийской группы Крыма и подобных им в Нижнем и Среднем Поднепровье он связывает с походами воинов-колесничих через территорию нынешней Украины на юг Балкан. Однако «поразительная бедность» подавляющей части подобных захоронений Украины вызвала справедливое сомнение в обоснованности такого вывода [Тощев, 1998, с. 123]. Кроме того, ранние комплексы доно-волжской абашевской культуры характеризуются ориентировками в восточный сектор, а ранние причерноморские – в западный.

В этой связи обратимся к известному комплексу погребения 2 из кургана Соколовский в верховьях р. Конки [Попандопуло, 1991, с. 68–69, рис. 2]. В нем вытянутое положение умершего сочеталось с набором обрядово-инвентарных признаков классических раннебабинских погребений Надазовья (яма с деревянной рамой, западная

ориентация костяка, три бронзовых ножа, каменный оселок, производственный набор с выпрямителем древков). Не указывает ли данный комплекс и ему подобные, например с Бабиной Горы [Березанская, 1986, с. 18–19, рис. 5, 4], реальный вектор поиска исходного культурного импульса, приведшего к трансформации ингульской катакомбной культуры в памятники типа евпаторийской группы в Крыму и аналогичные им в Поднепровье? Мы склонны рассматривать это взаимодействие именно в направлении с востока на запад, а не наоборот, иначе это фиксировалось бы в археологических материалах.

Противоположное воздействие, возможно, имело место несколько ранее, на этапе сложения бабинской культуры в Донецко-Азово-Днепровской области. Проявляется оно, главным образом, в керамическом комплексе раннебабинских погребений, и, что примечательно, именно в женских. Возможно, это объясняется тем, что для женской обрядовой группы ранних захоронений керамическая посуда является более характерной. Речь идет о сравнительно небольшой, однако выразительной серии посуды, представленной плоско- и округлодонными мисками-чашами с характерным орнаментом, и о сосудах, снабженных одной или двумя парами «ушек» с проколами, напоминающими ингульские амфорки (рис. 3). Наличие

комплексов с такой посудой вызвало к жизни суждение об особой «местной линии развития КМК от ингульской катакомбной культуры, параллельной ориентированной на запад погребениям с кольцами-пряжками в деревянных рамах» [Отрощенко, 2001, с. 91, 95]. Не слишком ли много «потомков» оставила после себя ингульская катакомбная культура: группа скорченных погребений в подбоях, евпаторийская группа с аналогичными ей «вытянутыми захоронениями» Поднепровья и какая-то местная группа постингульского населения Северного Приазовья? Все же следует внести ясность: подобная ингульской посуда встречена в ареале и комплексах именно восточной, надзавской, группы культуры Бабино, в том числе в Восточном Надзавье, на Северском Донце и даже в лесостепном Левобережном Поднепровье. Определяя причины ее появления там, следует иметь в виду, что в упомянутых регионах ингульский компонент в той или иной степени был представлен еще в позднекатакомбное время [Санжаров, 1991а; 1999] и потому мог явиться одной из составляющих в сложении бабинской культуры Донецко-Азово-Днепровской области.

Для других регионов распространения памятников бабинского культурного круга (Среднее Поднепровье, Правобережная лесостепь и Днестровско-Прутский бас-

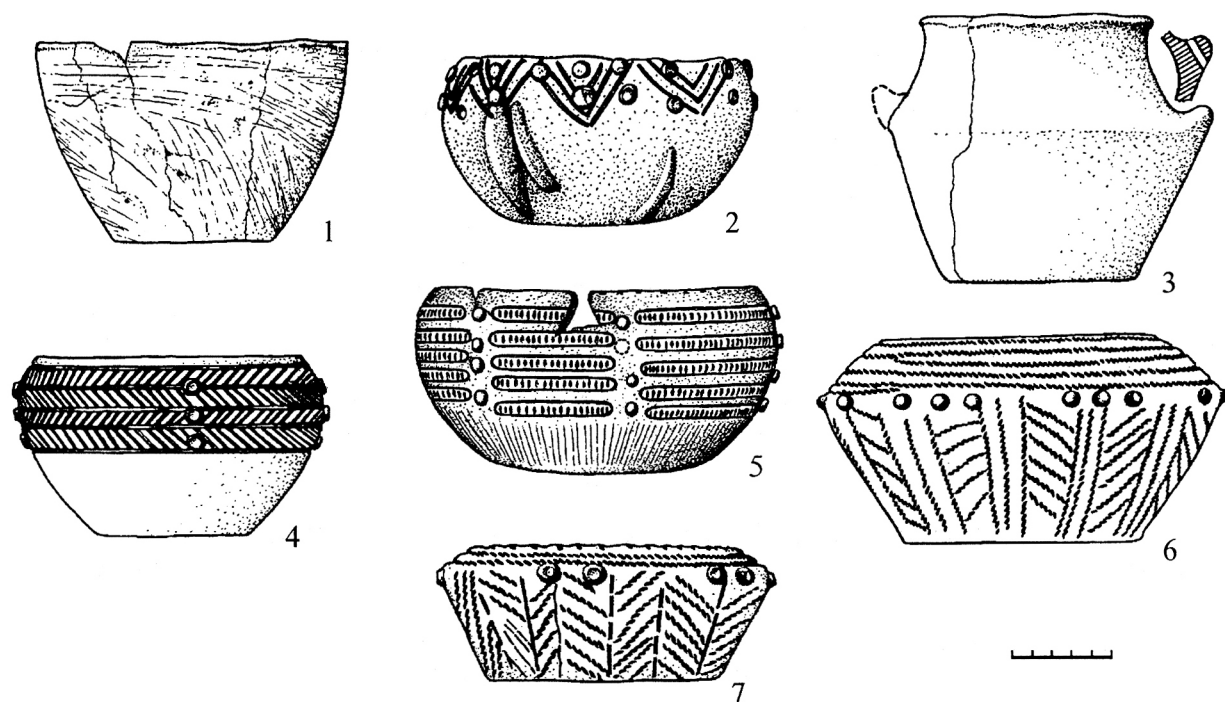

Рис. 3. Керамика позднекатакомбного типа из ранних погребений бабинской культуры:

1 – Молодогвардейск, к. 2, п. 6; 2 – Полковое, к. 1, п. 8; 3 – Шмальки, к. 2, п. 25; 4 – Подгородное V, к. 7, п. 2; 5 – Белики, к. 1, п. 3; 6 – Губиниха II, к. 3, п. 10; 7 – Компанийцы, п. 2616

сейн) исследователи не отмечают сколько-нибудь заметной связи с катакомбной культурой [Березанская, 1986, с. 22–23; Дергачев, 1986, с. 140; Тощев, 1987, с. 119–122], если не считать наличия в первом из них серии «вытянутых захоронений», о которых говорилось выше. Очевидно, что для этих областей (и в каждом случае отдельно) следует искать иные слагаемые культурного субстрата⁷ и механизмы культуругенеза, не забывая при этом тот общий знаменатель, который объединяет все эти памятники в рамках единого археологического явления.

¹ Заметим, что о возрождении в погребальном обряде и идеологии культуры Бабино позднейших традиций пишет и С.Н. Братченко [1995, с. 23; 1995а, с. 87], что не противоречит его представлениям о позднекатакомбных древностях как среде, в которой это возрождение происходило.

² Впрочем, для раннего горизонта классических бабинских захоронений «адоративная» позиция не является характерной, там преобладают «катакомбные» позы: руки к коленям или тазу, а также перекрестное положение рук. «Адорация» получает распространение на втором и третьем (позднем) этапах бабинской культуры, что можно связывать уже и со «срубным» влиянием [Ковалева, 1981, с. 19–20].

³ Здесь учитывались только надежно атрибутируемые находки, происходящие почти исключительно из бабинских погребений. Материалы известных кладов в связи с проблематичностью их культурной идентификации, не привлекались.

⁴ В отличие от приводившихся ранее данных [Братченко, 1976, с. 150, рис. 72, IV, 12, 13; 1977, с. 24–25, рис. 1, 13, 14; 1985, с. 454, рис. 123, 18; Корневский, 1978, с. 38, рис. 4, 26] комплексы погребений с ножами из Среднего Подонья (Ильмень 8, погребение 4; Нижняя Ведуга 3, погребение 2) мы относим не к бабинской культуре, а среднедонской катакомбной, а потому не учитываем.

⁵ Другие типы наконечников, в том числе черенковые, сравнительно редки. География и археологический контекст этих находок позволяют считать их в большинстве инокультурными [Литвиненко, 1998б, с. 49–51].

⁶ Приводимые в качестве поздних социально значимых погребений комплексы из Балабино (курган 1, погребение 2) и Ку-

конештий Век (курган 9, погребение 28) [Отрощенко, 2001, с. 110] по географическим и обрядовым показателям относятся не к рассматриваемой надчерноморской группе культуры Бабино, а, соответственно, к восточной (надзюзовской) и западной (днестровско-прутской). Предпринятая же для Надчерноморья попытка выделения элитных комплексов в деревянных рамах и каменных ящиках на фоне рядовых подбойных захоронений имеет один существенный недостаток – одновременность обеих групп погребений не может быть подтверждена привлекаемыми планиграфическими наблюдениями [Отрощенко, 2001, с. 98–99]. В то же время, при всем своем дефиците, имеющиеся случаи стратиграфии [Мельник, 1988, с. 214], которые мы не вправе игнорировать под предлогом «опасности их абсолютизации» [Отрощенко, 2001, с. 89, 93, 109], фиксируют хронологический приоритет каменных и деревянных ящиков с западной ориентацией умерших в сопровождении пряжек-колец по отношению к захоронениям в подбоях с овальными двудырчатыми пряжками. Возможно, в качестве элитных можно считать комплексы в подбоях и овальных ямах с деревянными и каркасно-глинобитными рамами, названные «правобережными репликами на элитные погребения КМК Восточной Украины» [Клюшинцев, 1988; Отрощенко, 2001, с. 97]. Однако относить их к переходному времени, синхронизируя с ранними памятниками Левобережной Украины, нет никаких оснований, учитывая поздний тип найденных в них пряжек, а главное потому, что подобные захоронения (в деревянных рамах с восточной ориентацией и соответствующими пряжками) известны на восточных территориях в поздних стратиграфических контекстах: Каменское I, курган 1, погребение 13; Прядовка IV, курган 1, погребение 6; Пролетарское ХХХ, курган 6, погребение 2 (раскопки ДГУ); Шнурки, курган 3, погребение 2 (раскопки ДонГУ).

⁷ В этой связи особого внимания заслуживает сопоставление бабинских памятников, и не только правобережной лесостепи, с древностями постшнурового горизонта Центральной и Восточной Европы. Судя по имеющимся параллелям в погребальном обряде и материальной культуре, особенно в комплексе украшений из металла и пряжках, проявляющимся главным образом в ранних бабинских памятниках восточной группы, ошутимую роль в сложении этих последних, кроме катакомбного, сыграл также постшнуровый мир [Братченко, 2001, с. 47, 49; Литвиненко, 2001, с. 168].